

Сергей ЗВЕРЕВ

Я - ВОП

В ЗАКОНЕ

**БУДЕТ ВАМ
ВОЙНА!**

Сергей Иванович Зверев Будет вам война!

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=420012
Зверев С. Будет вам война!: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43560-9*

Аннотация

Группировка саяно-шушенских «отморозков» желает обзавестись своим «вором в законе», чтобы, значит, все у них было по понятиям и на стрелках «законник» разруливал бы все проблемы по уму. Для этого они устраивают побег из зоны вору по кличке Батя. Но вора во время «рывка» перехватывают другие братки – молодые авантюристы из «Группировки Ленинград» – и переманивают его к себе, предлагая стать лидером. Однако организаторы побега решительно не согласны с таким раскладом. Их унизили, а такое не прощается. Вы хотели войну? Будет вам война!..

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	12
3	16
4	19
5	23
6	25
7	27
8	29
9	31
10	35
11	39
12	44
13	49
14	52
15	56
16	59
17	61
18	64
19	69
20	72
21	78
22	80

Часть вторая

85

Конец ознакомительного фрагмента.

86

Сергей Зверев

Будет вам война!

Факты и события, изложенные в книге, вымышлены, чего не скажешь о реалиях Бандитского Петербурга.

Любые совпадения следует считать случайностями, а любые случайности – совпадениями.

Часть первая

«Кроли и капуста»

1

Ночное сентябрьское поле перечеркивалось прямым, как стрела, шоссе. Ущербная луна отражалась в жестяном дорожном указателе, обозначавшем границы города. С одной стороны указателя значилось «Добро пожаловать в Санкт-Петербург», с другой – «Вы покидаете Ленинград».

Роскошный серый «поршак» словно материализовался из чернильной темноты трассы. Резанув фарами по указателю, машина призывно посигналила. Позади тут же нарисовалось

несколько породистых лимузинов. Вежливо обтекая застывший на обочине «Порше», автомобили сопровождения грамотно блокировали дорогу на Питер. Из салонов высыпали молодые люди лихого и опасного вида. Поднялись крышки багажников. Молодежь споро разбирала привезенный арсенал: автоматы, помповые ружья, базуки и мешки с ручными гранатами.

– ...Шура Долгопрудный обещал типа танка подогнать...
– опасно бросил кто-то.

Тонированное стекло «поршака» плавно опустилось. За рулем сидел ухоженный красавчик с бледным лицом садиста и гипнотизирующим взглядом кобры.

– Пацаны, не очкуйте! Шура и его бригада – козлы! Кто они против саяно-шушенских? – Осмотревшись, красавчик поманил пальцем мордатого паренька в кожаной куртке-«бандитке»: – Шанкр, иди-ка сюда!

Молодой человек по кличке Шанкр выглядел стильно: огромные кулаки, покатые плечи, узкий неандертальский лоб, лицо в мелких шрамах... Особенно впечатлял его бритый тяжелый затылок, отделенный от мощной шеи жирной складкой – такой глубокой и красной, будто кто-то уже рубанул его по загривку топором.

– Что, Аркаша? – пробасил Шанкр.
– Ты за все отвечаешь, – послышалось из салона «Порше».
– Да ладно тебе, все путем! – Шанкр шевельнул уголком рваного рта. – Мы сделаем их!

Не успели пацаны рассредоточиться в придорожном кювете, как в перспективе шоссе нарисовалась встречная автocolонна: длинный зализанный «бумер» предупреждающе черного цвета, элегантно-громоздкий джип и роскошный попсовый «Камаро». Последней шла БМП модной камуфлированной расцветки. Принюхиваясь к шоссе пулеметным стволом, она остановилась на небольшом возвышении чуть в стороне, как бронепоезд на запасном пути.

Из-за руля «бумера» вылез долговязый мужчина с улыбочивым лицом жизнелюба и прожигателя жизни. Это и был Шура Долгопрудный – восходящая звезда Бандитского Петербурга, самый талантливый беспредельщик города. За спиной его уже маячили атлеты-автоматчики, все как один – с расплюснутыми переносицами и поломанными ушами.

Оба гангстера, стараясь не делать лишних движений, медленно двинулись навстречу друг другу.

– Здорово, брателло! – вежливо, но опасно произнес Аркаша.

– Мир твоему дому, кентуха! – по понятиям отозвался Шура.

После обязательного поединка взглядами и привычных ритуальных объятий оппоненты перешли к «терке».

Предъява Аркаши звучала очень серьезно. Несколько дней назад Шура Долгопрудный внагляк раздербанил одного коммерса, который отстегивал саяно-шушенским. Зубчатое колесо крышно-денежных отношений мгновенно замер-

ло. Убытки бригады исчислялись цифрой со многими нулями. Ситуация требовала немедленного прояснения.

– Ушастый на нашей делянке работает! – развязно напомнил Аркаша.

– Но капустой теперь будет делиться с нами! – хохотнул Шура, цыкнув слюной на асфальт.

Ломоносый браток за его спиной театрально разомкнул «молнию» куртки-косухи и передвинул пистолет из-за спины на бок, чтобы его видели оппоненты. Мордатый Шанкр, стоявший напротив, мгновенно зафиксировал рукой висевший на плече «узи», демонстрируя готовность к продолжению разговора.

– Да ладно тебе, Аркаша! – примирительно улыбнулся Долгопрудный. – Зачем нам друг друга валить? Братва должна любить друг друга.

Аркаша мысленно перевел последнюю фразу на разговорный русский и охренел.

– Ты это что имеешь в виду? – спросил он, глядя крепко и сумрачно.

– Мы живем в правовом государстве... То есть по понятиям. А понятия в нашей стране устанавливает суд. – Обернувшись в сторону джипа, Долгопрудный коротко махнул рукой. – Пацаны, выводите судью!

Из чрева огромного лакированного внедорожника, напоминающего роскошный катафалк, вылез странный замшелый старик, полностью покрытый зоновскими татуировка-

ми. Наколок не было разве что на щеках, за ушами и под ногтями. Почесав грудь, дедок хищно воззрился на бригадира саяно-шушенских.

– Эт-та что еще за ископаемое?! – Аркаша весело расширил глаза.

Не успел Долгопрудный раскрыть рот, как «ископаемое» ожило.

– Нас всегда путали, – проскрипел старик и тут же зашелся в хриплом чахоточном кашле. – Ископаемое – это у меня кент был с таким погонялом, мы еще в больничке на Беломорканале вместе кумор долбили. Его менты загнобили во время большого кипежа на Колыме, в сорок девятом. Прииск «Счастливей» – не слыхал? А я – Экспонат. Ну, погоняло у меня такое. Прикинь – я во время того кипежа три лысака колобашил в амбарухе, а мусора, волчины позорные, приканали и говорят...

Шура Долгопрудный прервал старческую болтовню недовольным, но подчеркнуто уважительным жестом:

– Короче, Экспонат, ты типа в курсах. Что скажешь за ушастого коммерса?

Экспонат по-вурдалачьи щелкнул челюстью, обнажая фиксы желтого металла. Истоиво почесав спину, он вынес вердикт:

– По понятиям ушастый – его! – скрюченный полиартритом палец уперся в грудь молодого беспредельщика Шуры.

– Поял, да? – глумливо уточнил Долгопрудный.

– Не по-оял... Это какой-то чесоточник мне типа указывать будет?!

– Обожди, обожди... – с вкрадчивой угрозой произнес Шура и тут же обернулся к коллегам. – Пацаны, вы все слышали? Вы слышали, как он Экспоната обозвал? Значит, Аркаша, слово Вора для тебя пустой звук? – Слово «Вор» было произнесено Долгопрудным с большой буквы.

Аркаша поперхнулся.

– Извини, брателло... Не знал, что ты – вор! – униженно пробормотал он, буравя старика взглядом деревенского участкового, ненароком нарвавшегося на Президента. – Я ведь думал, воры в законе только в телевизионных сериалах бывают... да в книжках, которые у метро продаются.

Экспонат ухмыльнулся, отражая желтыми фиксами лунный свет.

– Помню, в пятьдесят первом чалили мы на пермском дальняке баланы, и из-за одного гуливана из ершей покурочил я богоны, – задумчиво начал он, довольный производимым эффектом. – Был у нас на делянке рогомет мохнорылый, типа тебя, Аркаша... Так ему один на льдине икону чирком в банный день пописал!

Бригадир саяно-шушенских смотрел на Экспоната, словно кролик на удава; обилие непереводаемых слов на архаичной фене вселяло в него суеверный ужас.

– Все, хватит, уводите! – весело скомандовал Шура Долгопрудный.

Двое амбалов, бережно подхватив упирающегося старика, поволокли его к раскрытой дверке джипа.

– Вот так-то... Аркаша, – бросил Шурик, явно упиваясь превосходством. – Ушастый – мой!

Бригада Шуры Долгопрудного быстро расселась по тачкам. Развернувшись синхронно, как на параде, автоколонна победно и нагло покатила по ночной трассе.

Саяно-шушенские чувствовали себя опомоенными...

– Нашей бригаде неплохо бы своего вора завести, – несмело предложил мордатый Шанкр. – Для таких «терок».

– А где его взять? – мрачно хмыкнул Аркаша. – Законные вору на дороге не валяются. «Кресты», что ли, штурмом брать?

– Есть у меня один знакомый пацан, недавно на строгач перешел... – заговорщицки начал Шанкр. – Так вот, сидит на том строгаче один батя...

2

– Ну что, Батя... Вот мы и пришли! – молоденький уркаган пошарил рукой по бетонной стене в поисках рубильника. – Принимай работу!

Щелчок – и под потолком напряженно загудели длинные стержни люминесцентных ламп. Холодное электричество озарило помещение лагерной мехмастерской.

Немолодой мужчина со следами многочисленных судимостей на лице неспешно подошел к огромному железному баку с двухстворчатой крышкой. Сопровождавший его пацанчик с видимым усилием откинул крышку и заглянул внутрь.

– Смотри сюда, Батя. Вот бак. Вот дно – видишь? Типа под ним ничего нет. А теперь... Легким движением руки дно превращается... превращается...

Нащупав под баком кнопку электродвигателя, юный урка артистичным жестом вдавил ее.

Днище дрогнуло и с тяжелой плавностью броневой плиты, обнажающей жерло ракетной шахты, поднялось под прямым углом. Под баком чернел овальный лаз, уходящий глубоко под мехмастерские.

Это был тот самый подкоп, который лагерная братва по заказу саяно-шушенских рыла для Бати почти четыре месяца. Бригаду проходчиков составляли осужденные шахтеры. Работы возглавлял бывший инженер-метростровец. Идей-

ное руководство осуществляли бандиты средней руки, составлявшие костяк лагерного коллектива; последнее обстоятельство заставляло держать язык за зубами даже тех, кто догадывался о подкопе. Грунт выдавался на-гора центнерами. Землю выносили ведрами и катком трамбовали по цеху и хоздвору; за несколько месяцев уровень пола вырос почти на полметра. Лаз, начинавшийся в мехмастерской, вел в придорожный лесок, далеко за контрольно-заградительные препятствия.

Побег был назначен на сегодня...

– Я от Шанкра еще утром маляву получил, – урка послал Бате полный почтения взгляд. – Просит на трассе чуток обождать. Пацаны тебя встретят на конкретной козырной тачке. Но могут и опоздать. Зима все-таки. Мало ли что...

– На воле сейчас – минус двадцать... – поморщился вор. – И что мне – как фуцыну дешевому на морозе торчать?

– Шанкр тебе теплый клифт прислал, из уважения, – уркаган протянул собеседнику тулупчик.

– Тулупчик-то хоть не беличий? – подозрительно осведомился Батя.

У юного уголовника не хватило интеллигентности провести параллели с Пугачевым из «Капитанской дочки».

– Да нет, не лакшовый... – ответил он, показывая этикетку с изнаночной стороны. – Видишь – «от Версаче» написано. Любой мороз выдержит. Чуток на трассе погуляешь, а в тачке отогреешься по полной программе. Кстати, саяно-шу-

шенские еще и капусты тебе подгонят. Сто тонн реальной зелени. Типа тоже из уважения.

Критически осмотрев обновку, Батя отложил ее в сторону.

– А Шанкр, он какой – твердый или мягкий? – спросил он задумчиво.

– Шанкр – он саяно-шушенский. Тачка – конкретная и козырная. Ничего не перепутаешь?

– Знаешь, я передумал, – твердо молвил пахан. – И че на этой воле хорошего? Нашего брата-вора киллеры каждый день отстреливают. На улицах – менты, в метро – террористы, на эстраде – пидорасня, в бизнесе – гэбэшники. Бездуховность сплошная. А вот на зоне – ништяк. Меня уважают, со мной советуются. Плюс – трехразовое питание, спальное помещение, одежда и обувь по сезону. Нет, не нужна мне никакая воля! Мой дом – тюрьма!

Молоденькому уркагану пришлось призвать все свое красноречие. Во время последней свиданки с Шанкром он получил от него два раза по морде и пятьдесят тысяч рублей на лицевой счет. В случае Батиного отказа юношу ждало непоправимое.

– Пойми, ведь вы, старые воры – последние из могикан! – терпеливо втолковывал он. – Саяно-шушенским воспитатель нужен! Подрастающее поколение нуждается в твердой татуированной руке. Напорют косяков, зарядят по беспределу... Кому от этого лучше? Ты ведь сам говоришь, что на

вольняшке эта... как ее... пиздух...

– Бездуховность, – строго поправил Батя и, подумав, стянул лагерную робу с номером-биркой. – Ладно, попробую вразумить современную молодежь. Преемственность поколений – это святое!

– А я про что! – воодушевился пацанчик. – Будешь учить Аркашу и его пацанов, как правильно на «стрелках» себя вести, как по понятиям ушастых на капусту разводить!

Старый вор явно не хотел продолжать дискуссию. Напялив дареный тулупчик, он нехотя полез в бак.

– Счастливо оставаться, – сумрачно напутствовал он провожатого.

– Всего тебе чистого и светлого! – по нежной щеке юного уголовника скатилась некстати набежавшая слеза. – Даст бог, когда-нибудь свидимся... Ничего не напутаешь?

– Про конкретную козырную тачку я помню... – пробормотал пахан, спускаясь в подземелье.

Огромный «Хаммер», обвешанный кенгурятниками, лебедками и навесными фарами, мчался по безлико-коробчатому пригороду Санкт-Петербурга. При виде зверовидного внедорожника гаишники вытягивались во фрунт. Владельцы «Москвичей» и «Жигулей» сворачивали вслед «Хаммеру» шею и, забывая о зеленом сигнале светофора, создавали аварийные ситуации. Срамные девки с обочин провожали конкретную козырную тачку просительными взглядами, посылая вслед томные русалочки вздохи.

Выскочив на темную трассу, «Хаммер» сразу же врубил навесные фары на крыше. Шанкр, сидевший рядом с водителем, то и дело посматривал то на часы, то на градусник. Шофер же, по своему обыкновению, постоянно косился на обочину, оценивая «плечевых» проституток. Несмотря на мороз, падших женщин было немало. Нищета и бескормица гнали их на работу даже в ночную смену.

– Ты по бабам глазами не щелкай, рули давай, – наставлял Шанкр. – Батя наверняка уже из лагеря сбежал. Мерзнет ведь. Неудобно. Скоро развилка будет, там сразу направо. Не пропусти.

На подъезде к развилке водила вновь глянул на обочину, после чего выпучил глаза и распялил рот... Перехватив взгляд шофера, Шанкр обалдело присвистнул.

И было отчего.

Навесные фары на крыше «Хаммера» выхватили из темноты молоденькую девушку с призывно поднятой рукой. Несмотря на лютую декабрьскую ночь, она почему-то была лишь в тоненьких трусиках. Но поражала даже не одежда, выбранная явно не по сезону. На заснеженной обочине стоял истинный гений чистой красоты. Бюст барышни рассекал морозный воздух, как спаренное стенобитное орудие. Длина и стройность ног наводили на мысль, что все элитные проститутки из «Англетера» – уродливые коротконогие таксы. Сонный взгляд развратных светлых глаз манил и завораживал. Нежная кожа серебрилась в переменчивом свете луны.

Водитель, позабыв обо всем на свете, впился взглядом в полуобнаженную диву. На какое-то мгновение он даже выпустил руль...

Этого оказалось достаточно, чтобы мощный внедорожник, проскочив на скорости Т-образную развилку, тяжело ухнул в глубокий заснеженный кювет.

Первым из салона вылез Шанкр. Увязая по пояс в сугробах и отплевываясь снежным крошечком, он бросился к шоссе по высокому откосу. Дорожная стриптизерша по-прежнему стояла на обочине, даже не удосужившись взглянуть на место крушения джипа. Выхватив пистолет, Шанкр выстрелил в ее сторону, но не попал.

– Сама блядь и шутки блядские! – вынес он оценку случившемуся.

После чего выстрелил в девушку еще дважды. Та, со свистом выпустив воздух, мгновенно уменьшилась в размерах и, подпрыгнув на мерзлом асфальте, улетела в придорожный кустарник.

Лишь вскарабкавшись на откос, Шанкр понял, в чем дело. На обочине стояла надувная кукла из секс-шопа – эдакая раскрашенная дурилка в натуральную величину. Искусство художника наделило этот мертвый кусок резины мощнейшим сексуальным зарядом: лишь безнадежный импотент, глядя на нее, не выпустил бы руль. Несомненно, муляж голой бабы установили на развилке с явным умыслом вовлекать в ДТП морально неустойчивых водителей.

И тут, по закону драматических эффектов, в кармане Шанкра зазвонил мобильник.

– Ну че, понравилась телка? – донесся из трубки жизнеутверждающий хохот Шуры Долгопрудного. – Встретили своего Батю? Аркаше – привет!..

Понуро матюгнувшись, Шанкр обернулся к кювету. Дивный джип завяз в сугробе по самый капот. Вытащить его на шоссе без посторонней помощи не представлялось возможным. А ведь ушедшего подземельем Батю уже наверняка искали менты...

Черные воды незамерзающей сточной канавы клубились среди заснежных лесных берегов. Голодные волки выли в далекой чащобе. Чахлые березки возносили к небу корявые изломанные ветки.

В считанные минуты безжизненный пейзаж обогатился приметной деталью. На лесной полянке медленно выростал снежный холмик, и из него грибком пробилась голова в зоновском треухе. Осмотревшись и не обнаружив ничего подозрительного, Батя покинул лаз, прикрыл отверстие загодя приготовленной крышкой и забросал снегом.

Под рифлеными подошвами сухо захрустел наст, качнулись мерзлые ветки, и огромная тень, отброшенная светом луны, мгновенно растворилась в субтильном лесу.

Вскоре беглец шагал по заснеженной трассе, отстоявшей в нескольких километрах от зоны. Огромная круглая луна желтела в черном звездном космосе. Мороз пронизывал до костей. Ветер вышибал слезу из сжатых в прищуре глаз. Поднятый воротник дареного тулупчика колот щеки ледяной корочкой – дыхание смерзалось на выдохе. За полчаса по шоссе не проехало ни единой машины.

– Ну, и где эта бездуховная молодежь на конкретной козырной тачке? – спросил беглец самого себя, распаковывая сигаретную пачку дубовыми от мороза пальцами.

Спустя километров пять пахан всерьез задумался о возвращении в лагерь. Кружка горячего чифиря на теплом сухом шконаре виделась ему вершиной блаженства. И когда Батя уже созрел, чтобы повернуть обратно, за поворотом шоссе блеснул далекий загадочный свет.

Беглец свернул с трассы и, прячась за посеребренными морозом стволами елей, осторожно подкрался к источнику свечения.

– Наконец-то!.. – невольно вырвалось у Бати.

Он не ошибся – на обочине его действительно дожидалась «конкретная козырная тачка».

Огромная машина, криво стоявшая с краю шоссе, напоминала потерпевший крушение пароход. Под вздернутым капотом покачивалась тусклая лампа-переноска. Неверный мутный свет выхватывал из темноты сосредоточенное лицо молодого пацана. Склонившись над промасленным двигателем, он вдумчиво закручивал гайку.

Подкравшись поближе, Батя безошибочно определил марку машины. Это был трехосный «Студебеккер» – огромный американский грузовик эпохи ленд-лиза и культа личности. Пахан, страстно любивший фильмы про блатных, отчетливо помнил, что точно такая же тачка была у фартовой бригады «Черная кошка», наводившей ужас на послевоенную Москву. Машина явно побывала в салоне тюнинга: на передке «Студебеккера» хищно поблескивало нехилое навесное оборудование – огромная бульдозерная лопа-

та снегоочистителя. Выглядело это куда круче любых кенгурятников и лебедек. Вместительный жестяной кунг скрыл бы от посторонних взглядов небольшой коллектив гоп-стопников. Несомненно, столь грозный автомобиль могла позволить себе только очень уважаемая бригада, вроде саяно-шуншенских...

Так любовь к бандитскому кинематографу сыграла с беглецом злую шутку. Старый вор, просидевший на «строгаче» целых двенадцать лет, не знал, что теперь уважающие себя пацаны ездят не на антикварных грузовиках, а на конкретных козырных джипах.

Пахан спокойно вышел из-за дерева. Из-под поднятого капота вынырнула голова водилы.

– Что ж ты, батя, на трассе по такому морозу-то бродишь? – приязненно улыбнулся пацан. – Иди в кабину, согрейся...

Фамильярное обращение «батя» окончательно вселило в Батю уверенность, что он не ошибся.

– Козырная конкретная тачка – твоя? – прищурился он, осматривая «Студебеккер».

– Какая она моя... бригадная, – вздохнул пацан. – Вон, надпись по борту.

Действительно – угловатый кунг украшала броская надпись «Аварийная бригада».

Сомнений быть не могло... Вскочив на высокую подножку, Батя рванул тяжелую дверку и нырнул в темную теплоту

кабины. Спустя несколько минут за руль уселся водила. Утерев ветошью промасленные руки, он вопросительно взглянул на пассажира.

– Поехали, пока мусора не наехали! – коротко распорядился беглец.

– Мусора – это всегда хреново, – готовно согласился шофер и, заведя двигатель, дружелюбно протянул руку. – Давай знакомиться. Меня Данилой зовут. Данила Черняев. Не слышал? Услышишь еще...

Штыковой блеск прожекторов прорезал колючий орнамент проволоки. На огромном зоновском плацу чернели бесконечные коробки арестантов. Злобные овчарки рвали поводки, и горячая слюна срывалась с желтых клыков.

На ночном плацу братва коченела уже третий час; сразу же после отбоя на зоне начался незапланированный шмон, во время которого и обнаружили отсутствие Бати. Волчины в погонах орудовали в отрядах, срывая постели, переворачивая тумбочки и обыскивая сортиры. Однако никаких следов пропавшего зэка обнаружено не было. Не было его ни в больничке, ни в прачечной, ни в котельной, ни в индивидуальной «шушарке» при библиотеке, где знатный пахан числился выдавальщиком книг. Обыск мехмастерской также не принес никаких результатов. Контрольно-следовая полоса выглядела девственно белой и пушистой. Исправно работал и последний рубеж сигнализации. Батя словно бы испарился, перейдя в пятое измерение, в некую абстрактную субстанцию...

Лагерное начальство лишь печально материлось. Менты уже догадались, что имеют дело с подкопом. Было очевидно – тут не обошлось без сообщников, однако ни подкоп, ни сообщников пока не нашли. Старший лейтенант Заметалин, командир Батиного отряда, бегал по плацу, грозя предпола-

гаемым укрывателям лесоповалом и Колымой.

– Пока не найдем вашего пахана – тут будете мерзнуть! – выкрикивал он в черную шеренгу бушлатов.

Арестанты тихонько злорадствовали: все, что ментам поганым серпом по яйцам, братве – бальзам на душу.

– За три часа не то что до Питера – до финской границы можно дойти! – тихонько молвил один зэк другому.

– Если Батю не отыщут – с Заметалина точно погоны снимут! – шепотом отозвался второй. – Из «Крестов» его когда-то турнули... А знаешь, за что?

Иней серебрил колючую проволоку. Ветер завывал в трубах котельной. Зэковские прохоря печально поскрипывали на мерзлом плацу. Заметалин метался по зоне, но ни беглеца, ни подкопа обнаружить так и не удалось.

Спустя три часа ночного бдения братва вынесла окончательный вердикт:

– К завтрашнему дню Батю не найдут – кранты нашему Гамадрилу!

Под этой малосимпатичной кличкой старший лейтенант Заметалин был известен еще по работе в «Крестах», откуда его действительно выгнали за соращение несовершеннолетних преступниц в тюремной бане...

«Хаммер» удалось вытащить из придорожного кювета лишь через два часа при помощи случайно подвернувшегося колхозного трактора. Однако при падении что-то сломалось в двигателе, и внедорожник упорно отказывался заводиться. Водила, сжимая обжигающий на морозе гаечный ключ, долго и безрезультатно ковырялся в моторе, обещая «через пару минут все исправить». Шанкр, с трудом размыкая смерзшуюся ротовую щель, сулил ему участок для неопознанных трупов на Южном кладбище.

Конечно, бандитская этика требовала, чтобы пацаны немедленно позвонили Аркаше и честно во всем сознались. Однако при мысли о таком звонке Шанкру делалось не по себе. Лютость бригадира была отлично известна всему Бандитскому Петербургу.

Наконец двигатель несколько раз чихнул, дернулся и завибрировал ровно и низко. Саяно-шушенские поспешно уселись в салон.

– А как Батя узнает, что мы – это мы? – спросил незадачливый шофер.

– Так я на зону еще утром маляву заслал! – бросил повеселевший Шанкр, то и дело дуя на красные руки. – Там написано: «конкретная козырная тачка»... Все, гони!

Водила то и дело притапливал педаль газа: время было

упущено, и Батю требовалось подобрать как можно быстрее. Впрочем, саяно-шушенские особо не беспокоились: другой «конкретной козырной тачки» в радиусе ста километров и быть не могло...

Тяжелый «Студебеккер» валил по пустынной трассе с уверенностью танка. Утюгообразный капот заглатывал все новые километры шоссе. Свет фар рассекал темную перспективу дороги. Батя, окончательно отогревшись в салоне, искоса поглядывал на Данилу Черняева, со скрежетом ворочавшего рычаг в коробке передач. Бригадный водила нравился ему все больше и больше. Он почти не матерился, не понтовался, не выеживался, а главное – не задавал лишних вопросов. Все это свидетельствовало в пользу его духовности...

– А что у вас вообще за бригада? – спросил наконец пахан, искоса поглядывая на водителя. – Вот ты, например, чем по жизни занимаешься?

– Да я... это... на все руки мастер. Побелить, покрасить... – отозвался Черняев. – Недавно вот одному пацану крышу соорудил.

– Путевую хоть? – строго спросил пахан.

– Путевой не бывает, – серьезно заверил Данила-мастер. – Правда, крышу я не один ставил. Есть у меня друган один, музыкант...

Пахан одобрительно закивал: на зоне слово «музыкант» было высшей похвалой – так обычно называют людей, виртуозно владеющих блатной феней.

– А бригада ваша чем занимается?

– Да мы, это... кроликов ушастых разводим, – простецки заулыбался Данила.

Батю удовлетворил и этот ответ; он уже знал, что на современном молодежном жаргоне «разводить кроликов» означало рэкетировать людей, занимающихся частнопредпринимательской деятельностью.

Впереди засветились далекие и тусклые разноцветные огни, похожие на лампочки гирлянд Невского проспекта. Но это был не Питер, а всего лишь его пригород.

– Значит, шерсть с кроликов снимаете? – задумчиво уточнил пахан, подразумевая под «снятием шерсти» постоянную дань, налагаемую на коммерсов за охранные услуги.

– Почему только шерсть? Мясо тоже! – подумав, отозвался Черняев.

И, словно в подтверждение его слов, конусы фар выхватили из темноты огромный придорожный плакат:

ЗВЕРОКОЛХОЗ «ЛЕНИНГРАДСКИЙ».

Кролики – это не только ценный мех,
но и вкусное диетическое мясо!

8

Подкоп обнаружился только к утру. Опера, прочесывавшие окрестности зоны, обратили внимание на подозрительные следы, ведущие к шоссе со стороны леса. Вскоре неподалеку от незамерзающей сточной канавы обнаружили кучу свежего снега. Когда снег был разбросан, один из оперов поднял крышку и, заглянув в яму, радостно заорал:

– Подкоп!

Спустя пятнадцать минут на место событий прибыл Заметалин. Спустившись в яму, он сразу же округлил глаза, впад в столбнячное недоумение. Луч фонаря выхватывал из темноты длинный подземный коридор, уходивший в сторону промзоны. Пройдя галереей метров сто, Гамадрил поднялся по лестнице к баку, сорвал дно и вылез в мехмастерской. Свет, плеснув в лицо, ослепил после темноты, и Заметалин на миг зажмурился. Когда он открыл глаза, перед ним стоял начальник колонии.

– Ну что – упустил осужденного? – ледяным голосом спросил он.

– Упустил... – промямлил Гамадрил, и старый шрам под губой налился кровью.

– Слушай, старлей... Ты на туберкулезной зоне поработать не хочешь? А на венерической? Не найдешь Батю к полудню – аттестую лично! – посулил начальник и, не проща-

ясь, вышел из мехмастерской.

Зэки, случившиеся неподалеку, заржали.

– Был я на той венерической зоне... Там бледные спирохеты так и летают... во-от такой величины! – глумливо заметил из-за станка кто-то невидимый.

– Будет с кем нашему Гамадрилу трепака выплясывать! – в тон ему отозвался другой арестант.

И тут Заметалин сорвался. Пузырчатое кипение в его душе ударило через край, и он, не в силах себя сдержать, истерично заорал на подоспевших прапорщиков:

– Че стоите?! Искать!

– Искать! – голос Аркаши плеснул из мобильного столь угрожающе, что Шанкр с перепугу едва не выронил трубку в сугроб.

– Так ведь это... словно сквозь землю испарился... то есть провалился... – проямлил Шанкр, глядя на редкую цепь солдат, прочесывающих придорожный лесок. – Вон, и менты его ищут...

– Слушай сюда. Или ты сегодня находишь Батю и привозишь его ко мне на хату, или тебя завтра привозят ко мне на хату, а послезавтра находят в Обводном канале, – посулил Аркаша ласково. – Ты хоть знаешь, сколько бабла я в этого татуированного козла вбухал?

Конечно же, Шанкр знал, каких огромных денег стоил Батин побег. Знал он и то, что Аркаша звонил из своего пятиэтажного особняка в Комарове, где измученного строгим режимом гостя ждали охлажденная водка, подогретое пиво, трехметровая «дорога» из колумбийского кокаина и дюжина манекенщиц со справками из вендиспансера. Однако все эти траты могли оказаться напрасными...

Спрятав мобильник, Шанкр тяжело плюхнулся на лайковое сиденье джипа.

– Куда? – уныло спросил водила.

– Куда, куда... Давай-ка еще раз по трассе прокатимся.

Не мог он ничего перепутать. Не мог. Я ведь ясно писал – «конкретная козырная тачка»...

– И сколько кататься будем? – водитель вывернул руль, разворачиваясь в сторону звероколхоза.

– Сколько надо! – нервно отрезал Шанкр.

Последующие три часа бандитский «Хаммер» с туповатым автоматизмом крейсировал от предполагаемого места Батиного выхода на поверхность до звероколхоза «Ленинградский» и обратно. Но никого похожего на беглого зэка замечено не было. Правда, еще на рассвете пацаны засекли странного типа на лыжах, одетого в белый маскхалат, с огромными солнцезащитными очками в пол-лица. Из-за спины торчало дорогое спортивное ружье с мощной оптикой. Однако даже беглого взгляда на одинокого биатлониста было достаточно, чтобы понять: он совершенно не похож на человека, прошедшего на зоне двенадцать лет. Слишком уж ловко работал он лыжными палками, слишком уж быстро скользил по упругим сугробам...

Незадолго до полудня конкретную козырную тачку остановили менты. Правоохранители понимали, с кем имеют дело, и потому на всякий случай были учтивыми.

– Извините за беспокойство, а можно к вам обратиться? – застенчиво осведомился пузатый майор со сдобным лицом и добрыми глазами.

– Ну? – выйдя из салона, Шанкр изобразил на лице ответную вежливость.

– Вы этого человека нигде не встречали? – сотрудник милиции продемонстрировал Батины фотографии анфас и в профиль.

– Сами его ищем! – честно признался Шанкр и, помедлив, добавил: – Слышь, мент, если вы этого мужика найдете – сразу нам свисти! Не обидим. У нас не прокуратура, у нас все по-честному...

И для убедительности извлек из кармана огромный брикет стодолларовых купюр.

– Да мы уж и так все обыскали! – вздохнул милиционер. – Оказывается, этот уголовник подкоп из зоны вел. Вылез – и как ветром сдуло!

– А я вот что думаю, – напарник пузатого поднырнул под локоть коллеги, чтобы насытить взор видом денег. – Ночью минус двадцать было. А зэк явно не мальчик. Может, лыжи по такому дубарю откинул?

– Не приведи Господи... – Шанкр нервно затеребил на шее навороченный крест на соответствующей цепи. – Если Батю живым не привезем – нам Аркаша реальный лыжный пробег устроит... В один конец. Аж до Обводного канала.

Из-за ватных облаков внезапно блеснуло солнце, и придорожный пейзаж сразу же заискрился, словно на новогодней открытке. Из-за поворота шоссе показался загадочный лыжник со спортивным ружьем за плечами – тот самый. Синие колеи ровно расчерчивали сугробы, и путник скользил по ним с тихим протяжным шелестом.

– И куда он по такому морозу лыжи наострил? – хмыкнул Шанкр, глядя в спину удаляющемуся биатлонисту.

Звероколхоз «Ленинградский» представлял собой хаотичное нагромождение бревенчатых барачков, дровяных сараев и обшарпанных пятиэтажек. Смещение архитектурных стилей подтверждало тезис о полном слиянии города и деревни. А вот обилие золотых вензелей на сугробах заставляло думать, что городские «удобства» освоены звероколхозниками еще не в полной мере.

Шикарно тормознув по ледяному асфальту, «Студебеккер» остановился у неприметного фасада, где красное облезло, а зеленое разошлось. У дубовой двери тусовалось несколько похмельных аборигенов, застенчиво требуя мелочь у редких прохожих. Сюрреалистичные хари попрошайек заметно разнообразили унылую картину зимнего утра. Причину тусовки объясняла табличка у входа: «КРОЛИКОВОД». НОЧНОЙ КЛУБ. РАБОТАЕТ КРУГЛОСУТОЧНО.

– Все, батя, приехали! – бросил Данила Черняев, заглушив двигатель. – Остограммиться не желаешь? Мороз-то какой!

– Давай, что ли... – согласился Батя и, нащупав в кармане тулупчика пачку денег, захваченную на всякий случай при побеге, двинулся за Данилой.

Пройдя длинным коридором, мужчины оказались в полутемном зальчике с барной стойкой, пластиковыми стульями

и бильярдными столами под низкими абажурами. В углу чернел ободранный концертный рояль, явно не вписываясь в общепитовские интерьеры.

– Мда... Типичный шалман, – разочарованно резюмировал уркаган, осмотревшись.

– Тут у нас типа офиса, – пояснил водитель «Студебеккера». – Ну, пацаны в свободное время собираются: бухнуть там, шары кием пооколачивать, кобылу какую-нибудь на турвальса пригласить. А раньше тут знаешь что было? Клуб «Юный скорняк». Типа «Умелые руки».

Действительно – стены «ночного клуба» украшали распятые шкурки кроликов, разрисованные под леопардов, тигров и зебр. Однако удивляло даже не это. Вместо типовых шлягеров, популярных в общепитовских заведениях второй наценочной категории, в «Кроликовом» звучала благородная арфа. Невидимый музыкант виртуозно выводил интродукцию к балету «Лебединое озеро». Пресыщенный разнообразием жизненного опыта Батя никак не отреагировал на странные звуки. Зато Черняев мгновенно напрягся и завибрировал.

– Музыкант... Опять за свою классику взялся! – вздохнул он и двинулся к ширме за концертным роялем.

С шумом отдернув ширму, Данила шагнул в полутьму небольшой комнатки без окон. Движимый любопытством Батя проследовал за ним.

Замысловато изогнутая золоченая арфа напоминала секцию новорусской кладбищенской ограды. Вертикально натя-

нутые струны лишь подчеркивали это сходство.

Но больше всего опытного вора впечатлил Музыкант. Маленький, верткий и пронырливый, как коростель, он быстро-быстро перебирал струны. Ухоженные руки с тонкими подвижными пальцами красноречиво свидетельствовали, что музыкант – не иначе как знатный щипач, исследователь чужих карманов и ридикюлей.

– Серега, ну сколько можно про леблядей наяривать?! Ты бы еще «Похоронный марш» сыграл! – бросил Черняев, дружески похлопав арфиста по плечу. – Забацай-ка нам лучше «Черный бумер»!

– Вот-вот. Чайковского с каким-нибудь Мендельсоном всякий дурак сумеет. А вот, например, «Мурку» – слабо? – подыграл новому знакомому Батя.

– Да, познакомьтесь! – заулыбался Черняев. – Это мой кореш, Сережа Пауков... Музыкант. Он в нашем звероколхозе главный по культпросветработе. Я тебе, батя, про него в машине рассказывал. Ну, про крышу... Ладно, чего мы тут стоим?! Пошли лучше по сотке накатим. Утром выпил – день свободен!

Спустя минуту троица стояла у рояля. Водитель бригадного «Студебеккера» гостеприимно наклонил горлышко водочной литрухи.

– Ну, за знакомство! – предложил Данила и немедленно выпил.

Поднося рюмку к губам, Батя боковым зрением заме-

тил камуфлированную ооновскую куртку, мелькнувшую в дверном проеме. Поставив недопитую рюмку на полировку рояльной крышки, беглец осторожно опустил руку в карман тулупчика. В воровскую ладонь легла наборная рукоять финки, всегда готовой к употреблению...

Как и следовало ожидать, Батю не разыскали ни к полудню, ни после него. Хотя «оперативно-розыскные мероприятия» отрабатывались по полной программе. Каждый кустик, каждая ложбинка в радиусе тридцати километров от зоны были тщательно исследованы солдатами внутренних войск и операми Управления исполнения наказаний. Патрули ГИБДД с самого утра мерзли на питерской трассе. В воздух несколько раз поднимался вертолет. Из камер штрафного изолятора непрерывно доносились протяжные завывания – это оперчасть допрашивала друзей пахана. По коридору ШИЗО бегали ошалевшие начальники. Но никто из пытаемых так и не дал наводку о «конкретной козырной тачке», которая и должна была подобрать пахана на шоссе.

Было очевидно: закрыть беглеца по горячим следам уже не удастся. А это, в свою очередь, означало, что о ЧП следует сообщить в Питер. Оргвыводы могли последовать незамедлительно. К полудню руководство колонии принялось лихорадочно ощупывать, на месте ли погоны и головы. Требовалось отыскать козла отпущения, и – как можно скорей.

В половине первого начальник ИТУ вызвал в свой кабинет Батиного «отрядного».

Душевной и обстоятельной беседы не получилось. Спустя три минуты старший лейтенант вылетел из кабинета. При

этом одна его рука прижимала к плечу оторванный погон, а другая держалась за глаз. Вслед Заметалину неслись нелестные замечания, изощренность которых заставила густо покраснеть даже штабного шныря из рецидивистов, случайно оказавшегося рядом.

– ...в ухо-горло-нос твою мать, отца, бабушку, кошку, собаку и весь семейный альбом!.. – напутствовал Гамадрила «хозяин».

Отравленный начальственным хамством, бессонной ночью и никотином бесчисленных сигарет, Заметалин печально побрел в свою промерзшую служебную каморку в прилагерном поселке. Натаскал дров, разжег «буржуйку» и, присев у разогретого железного цилиндра, попытался прикинуть перспективы на будущее.

Перспективы выглядели туманно. В свете последней беседы с «хозяином» перевод на туберкулезную или даже венерическую зону выглядел для старшего лейтенанта венцом карьеры.

Бился в тесной печурке огонь. Желтые блики плясали на облезлых обоях, выкруглись на никелированной спинке допотопной кровати. Дрова потрескивали и стреляли, то и дело выбрасывая через приоткрытую дверку багровые трассирующие искры. Гамадрил, гревшийся у печи на корточках, всякий раз вздрагивал, как приговоренный к казни при звуках барабанной дроби.

Когда каморка прогрелась, Заметалин попытался было за-

снуть. Но – тщетно. Спать не хотелось. Думать тоже не хотелось.

Хотелось напиться и забыться, но денег для этого не было.

Единственным местом, где лагерным офицерам, по слухам, наливали в кредит, был ночной клуб «Кроликовод», расположенный на подъезде к Питеру. Добраться туда на попутке можно было за час. Личный транспорт сокращал это время более чем вдвое.

Выкатив из сарая старенький мотоцикл с коляской, Заметалин с трудом завел его и, проклиная ядреную русскую зиму с ее морозами, сугробами и зэковскими побегам, потелепался в звероколхоз самым малым.

Глухо бухали баллоны на промерзшем асфальте. Мотоциклетная коляска вибрировала на ухабах, как пустая бочка. Стекланный щиток над рулем покрывался тонким синим ледком. Сжимая руль до боли в ладонях, Гамадрил то и дело поглядывал на спидометр, прикидывая, сколько остается до спасительного «Кроликовод».

Когда мотоциклист был почти у цели, случилось непоправимое. Старший лейтенант так и не понял, откуда из мутной белизны шоссе вынырнул этот жуткий «Хаммер». Сундукообразный задок джипа как-то совсем неожиданно появился в нескольких метрах от переднего колеса, и Заметалин резко затормозил, выворачивая руль влево. Но – поздно: проскользив пару метров по наледи, мотоцикл мягко тюкнулся в широкий бампер.

Гамадрил оледенел в параличе. Он смутно представлял, кому может принадлежать крутая козырная тачка и какую компенсацию зарядит лысый владелец за моральный и материальный ущерб.

Так оно и случилось...

Не успел мотоциклист спешиться, как из джипа вразвалочку вышли двое – мордатый нервный качок с жирным багровым затылком и шрамоватым лицом и невзрачный пацан без особых примет.

– Мужик, ты конкретно на филки попал! – с тяжелой угрозой объявил нервный, и его страшный затылок налился дурной кровью.

– Короче, пошли твою квартиру смотреть! – в тон ему предложил невзрачный.

Заметалин встретился взглядом с нервным, и тут ему сделалось вообще хреново. Этот человек несколько раз появлялся на зоне, интересуясь условиями содержания Бати. А ведь «отрядный» всегда отличался принципиальностью в перевоспитании осужденных. Видимо, беглеца уже приветили заступники, и тот успел опорочить честное имя офицера. Нечаянная дорожная встреча грозила обернуться непоправимым.

Подойдя к обезумевшему от ужаса Заметалину, нервный встал в позу футболиста перед пробитием пенальти и принялся картинно расстегивать брюки.

Гамадрил, невольно замедлившись в движениях, неот-

рывно смотрел, как мосластая рука издевательски медленно опускает «молнию» zipperа. Первой мыслью несчастного было – неужели его «отпетушат» прямо на оживленной трассе? Но эту мысль тут же заслонила вторая, куда более логичная: сейчас холодно, и потому акт надругательства наверняка состоится в теплом салоне «Хаммера». А раз так – никто не увидит картины грехопадения.

– Один раз – не пидарас... – едва слышно пробормотал Гамадрил.

Омоновец был огромен, как половозрелый самец гориллы, и добродушен, как сытый каннибал. Этот человек впечатлял габаритами и нерастраченной мощью: камуфлированная куртка пятьдесят восьмого размера едва не лопалась на его покатых плечах. В глазах, утопленных под тяжелыми надбровными дугами, теплилось нечто человеческое, и Батя решил не пускать в ход любимую финку. Да и матерый человечище в ненавистной форме не выказывал никаких хватательных рефлексов, присущих его братьям по разуму.

Подойдя к роялю, омоновец с чувством поздоровался с Данилой-мастером и Сережей-музыкантом. После чего вполне дружелюбно представился Бате:

– Прапорщик отдельной бригады санкт-петербургского ОМОНа Евгений Филонов. Для друзей – просто Жека.

Сухая татуированная рука утонула в огромной ладони омоновца.

– Я с этим батей сегодня на питерской трассе пересекся, – пояснил Черняев, разливая спиртное. – Прикидываешь: темно, стужа, точила бригадная не заводится... А ему – хоть бы что! Ладно, давайте за встречу...

Искося взглянув на омоновца, Батя пригубил водки.

– А что в вашей бригаде мусо... то есть милиционеры делают? – напряженно спросил он.

– Что прикажут! – на рубленном лице Жеки обозначилось подобие улыбки. – В основном – силовые акции. Захваты, наезды...

– Жека у нас вообще герой, – горделиво вставил Пауков. – Знаешь, где он до ОМОНа служил? В дивизии крутящего спецназа «Холодная голова». Во всех войнах поучаствовал, от Крымской кампании до Чечни.

– Ладно, Данила, теперь о деле, – перебил Филонов. – Мусора, конечно, у нас козлы. Но я обо всем добазарился. Накроешь хорошую поляну – и с тебя слезут. Уголовное дело спишут в архив.

– А что за дело? – Батя уже предвкушал рассказ о не слишком удачной разводке ушастых и прикидывал, какие советы он сможет дать.

– Так, Даниле больше не наливать. – Пауков почти силой отобрал у Черняева огромную водочную бутылку.

– Почему это «не наливать»? – удивился Батя, уязвленный, что музыкант проигнорировал его вопрос.

– Понимаешь, батя, – доверительно подхватил Филонов, ставя водочную бутылку под рояль. – Нашему Даниле за один раз можно только поллитру кушать. Выпьет на рюмку больше – сразу же драться лезет. Ну, организм у него так устроен.

– Вполне простительное чудачество, – заметил Батя дипломатично.

– А бухает он только в «Кроликовом», когда хорошенько шары покатает. – Сергей-музыкант кивнул на бильярдный

стол. – Не уследишь за его правильной дозой – Данилка сразу за кий. И ну колошматить всех, направо-налево... Неделю назад прицепился к каким-то мудилам.

– Одному треугольник для пирамиды на шею надел, другому руку сломал, третьему – обе ноги, – вставил омоновец.

– ...четвертому – два ребра, а пятому – ключицу! – на широком добром лице Черняева заиграла довольная улыбка. – Короче, они щас в больнице отдыхают...

– Я на работе ежедневно кому-нибудь руки-ноги ломаю, так мне за это еще и деньги платят... – заметил Филонов.

– ...а пацану ни за что дело шьют, – резюмировал Пауков.

– Так вот: есть у меня один знакомый майор. Обещал помочь, – омоновская нога сорок восьмого размера задвинула водочную бутылку за ножку рояля. – Только проставиться надо. Типа как прикормить...

– Так когда, говоришь, мусорилам поляну накрывать? – уточнил Данила.

Омоновец посмотрел на часы.

– Уже скоро. Майор пока на шоссе мерзнет. Прикинь – тут, оказывается, неподалеку лагерь строгого режима есть. Так оттуда ночью какой-то авторитет сбежал... Подкоп вырыл, как крот, и – фьють! Ищи ветра в поле. Говорят, его уже в Финляндии видели.

После этих слов Батя явственно ощутил в голове нарастающий потусторонний звон.словно небеса разверзлись, и над головой зазвучали прозрачные хрустальные колокольчи-

ки. Страшная догадка прошла мозг электрической искрой: эти симпатичные пацаны были вовсе не теми, за кого принимал их беглый арестант. Батя стал жертвой невероятного стечения обстоятельств. «Конкретная козырная тачка», «кролики ушастые», «аварийная бригада» – такое обилие профессиональных понятий ввело бы в заблуждение хоть Главвора, хоть Главпрокурора России!

– Пацаны, так вы... не саяно-шушенские? – на редкость спокойным тоном уточнил Батя, и только по напряжению желваков было заметно, что он сильно нервничает.

– Не-а. Мы – «Ленинградские». По названию звероколхоза, – серьезно пояснил Черняев, как бы невзначай поглядывая под рояль. – «Группировка Ленинград». Нас так многие называют... когда мы вместе. А так, по жизни, каждый своим занимается. Я, например, в свободное от работы время кроликов развожу. Ангора, шиншилла стандартная, американский серый, фламандский гигант, русский вислоухий...

– Я всех от ментов отмазываю, – внушительно пробасил Жека-омоновец.

– А я всем скучать не даю, – застенчиво улыбнулся Сергей-музыкант и, открыв рояль, взял несколько популярных блатных аккордов. – По вечерам тут иногда даже концерты даю. Тюремная лирика, Вивальди, ресторанный фольклор... Есть у нас в «Группировке Ленинград» еще один пацан. Но он мертвый.

– Как – «мертвый»? – ужаснулся пахан.

Приобняв Батю за плечи, Черняев провел его в каморку с золоченой арфой. На низком топчане в темном закутке лежал молодой мужчина со смуглым мужественным лицом голливудского мачо. Лацкан стильного пиджака украшал примятый букетик фиалок, из бокового кармана торчал свернутый трубочкой журнал «Плейбой».

Мужчина мертвецки молчал. Сложенные на груди руки и неестественно заострившиеся скулы оправдывали самые нехорошие опасения.

– Это Димон Трубецкой, наш главный специалист по бабам, – представил заводчик кролей. – Видишь, совсем мертвый... после вчерашнего.

Пахан смотрел обалдело.

– Звероколхоз у нас тут, батя! – выразительно молвил Данила. – Понимаешь? Зверо-кол-хоз!

К счастью для Заметалина, его опасения насчет генитально-анальных контактов не подтвердились. Нервный амбал также узнал в виновнике ДТП начальника Батиного отряда. Как ни странно, но именно это спасло Гамадрила от неправомерного. С удовольствием помочившись в мотоциклетную коляску, нервный подошел к офицеру вплотную.

– Теперь и реально поговорить можно! – произнес он весомо.

Гамадрил набрал полные легкие воздуха, чтобы сказать об отсутствии у него квартиры, машины, яхты, дачи с приусадебным участком, а также другого движимого и недвижимого имущества, которым можно было бы ответить за ДТП. Однако нервный сразу же перехватил инициативу.

– Слушай, мент... Батя ведь у тебя в отряде сидел? – спросил он.

– Угу... – затравленно отвечал Заметалин, давя кадыком бухающее сердце.

– Его еще ищут?

– Угу...

– С ночи?

– Угу...

– Денег хочешь?

– Угу! – воодушевился офицер. – Очень хочу!

– Если скажешь, где теперь Батя – озолотим. То есть озеленим. Так скажешь?

– Угу... – по инерции кивнул Гамадрил и тут же поправился: – Но я пока тоже не знаю, где он теперь...

– Так знаешь или не знаешь? – вступил в беседу невзрачный. – Ты нам пургу не гони... Знаешь такую игру – «О чем молчала тундра»?

– Не-е-ет... – на выдохе молвил лагерный офицер.

– Узнаешь. Мы тебя в сугроб закопаем. Вместе с мотоциклом. По весне, когда снег сойдет, прорастешь, как фиалка.

– Короче, слушай сюда, – властно перебил нервный. – Батя этот – наш друг. Мы его тоже ищем. Поможешь нам – получишь очень много реального лавэ, – огромная мосластая рука продемонстрировала банковскую упаковку стодолларовых купюр. – Ты ведь этого человека хорошо знал... Так сможешь искать?

– Угу... – согласно выдохнул Заметалин, тем более что альтернативой этому предложению была в лучшем случае работа на туберкулезной зоне, а в худшем – временная могила в заснеженном кювете неподалеку.

– Вот и ладненько! – нервный снизошел до улыбки.

– Я все для вас сделаю! – с внезапной горячностью пообещал лагерный офицер, косясь на пачку хрустящих банкнот. – Я с самого детства мечтал стать уголовником! Да только вот не сложилось. Но я братве всегда помогал. И помогать буду!

– Добрый, как прокурор, – снисходительно оценил нерв-

ный. – Ладно, садись на свой драндулет!..

...Спустя несколько минут водители встречного и попутного транспорта с удивлением пялились на странную самодвижущуюся картину. Огромный зверовидный «Хаммер» тащил на сцепке старенький мотоцикл с коляской. За рулем мотоцикла сидел невзрачный, нервный вел джип. В мотоциклетной коляске, скорчившись в позе эмбриона, томился Заметалин: он упросил-таки гангстеров отвезти его в звероколхозную бухгалтерку «Кроликовод», где, по его словам, и мог прятаться беглый Батя. И вовсе не потому, что «отрядный» действительно рассчитывал отыскать там бывшего подопечного. Больше всего на свете Гамадрилу хотелось выпить, а это желание подчас подталкивает на неосмотрительные поступки даже здравомыслящих людей.

Морозный ветер полировал задубевшие скулы Заметалина. Иней пушился на ресницах. Ноги ныли от неудобной позы. Куца офицерская шинелька, подмокшая снизу, продувалась встречным потоком воздуха.

– Можно я в машину перейду? – несмело спросил Гамадрил.

– Щас чисто перевертку зарядим, – с очевидной угрозой пообещал невзрачный. – Ты на своем драндулете наш «Хаммер» потянешь!

После обеда «Кроликовод» гремел, как прогулочный теплоход во время круиза. Звон сдвигаемых рюмок, пьяные восклицания и топот танцующих начисто перекрывал грохот динамиков. В полутемном зале хаотично пульсировала цветомузыка, в лучах которой мелькали лица, руки, блузки и телогрейки.

Сидевший в темном закутке Батя ощущал все возрастающую растерянность. О том, чтобы добираться до Бандитского Петербурга самостоятельно, не могло быть и речи: со слов омовца Жеки, по трассе вовсю барражировали милицейские патрули. Связаться с саяно-шушенскими тоже не выпадало – ведь беглец не располагал телефонами, адресами, явками и паролями Аркаши. Оставалось два варианта: или продолжить бесцельное торчание в ночном клубе в обществе пусть и дружественных, но все-таки чуждых по духу людей, или возвращаться на зону за трехлетним довеском. Впрочем, у опытного уркагана оставался еще и третий вариант, но он решил приберечь его про запас, на случай окончательной невыкрутки.

Тем временем пацаны из звероколхозной «Группировки Ленинград» деятельно накрывали поляну ментам. Данила-мастер споро расставлял на столе блюда с дымящейся крольчатинной. Сергей-музыкант носил с кухни капустные

салаты. Жека-омоновец деловито откупоривал водочные бутылки. Вскоре появился и оживший Димон-мачо. Выпив сто граммов, чтобы окончательно приблизиться к действительности, он кивнул Бате, как старому знакомому, и, зафиксировав взглядом молоденькую телку, на полном автопилоте двинулся к ней.

– Слышь, батя, ты меня давеча за ушастых спрашивал, – напомнил Данила и вилкой с поддетым на нее огурцом указал в сторону входной двери. – Глянь, каких красавцев я развожу!

Сфокусировав зрение, Батя рассмотрел огромную дебе-люю тетку в поварском колпаке, ледоколом разрезающую толпу резвящейся молодежи. В каждой руке повариха удерживала за уши по несколько трепещущих кроликов. Танцующие никак не отреагировали на появление ушастых – подобное было тут в порядке вещей.

– Теть Клава, дай-ка мне одного! – Поднявшись из-за стола, Данила выхватил из палаческих рук поварихи самого крупного экземпляра и, усадив его на стол, придвинул тарелку с мелко нашинкованной капустой. – На, похавай хоть перед смертью!

Кролик, прижав уши, недоверчиво скосил на Батю рубиновый глаз и захрустел салатом.

– И что – действительно выгодно их разводить? – поинтересовался пахан, развлекая себя абсурдностью ситуации и даже находя в этом странное удовольствие.

– Жить можно. Шерсть, шкурки, мясо, пух... – Черняев ласково погладил грызуна по ушам. – Кушай, мой кормилец, кушай, мой красавец... Все, хватит жрать, иди на сковородку! – Отобрав салат у ушастого, Данила деловито пояснил: – Да только прожорливые, стервецы. За зеленый капустный лист родину продадут!

– Всех резать или кого-то на потом оставить? – пробасила повариха Клава, ловко подхватив кроля за уши.

– Всех. Менты у нас голодные, любят похавать... – с наивной многозначительностью вздохнул Черняев и, взглянув на часы, спохватился: – Быстрее готовь, сейчас приедут!

После этих слов беглец понял: надо сматываться, и как можно быстрее. Это означало – следует задействовать тот самый запасной вариант, о котором он только что вспоминал.

– Счастливо погулять! – напутствовал Батя и поспешно поднялся, всем видом показывая, что ценит чужое время и правильно понимает гостеприимство хозяев. – Где у вас тут телефон? В Питер позвонить надо...

– Теть Клава, покажи ему телефон! – попросил Данила и, с чувством пожав татуированную руку, напутствовал на прощание: – Если у тебя какие проблемы по жизни возникнут – так только свистни! Ну, в рыло кому-нибудь двинуть или там пару кроликов на разводку...

– Батя-я-я! Тулупчик свой забери! – крикнул Пауков, но слова его потонули в людском гомоне.

Спустя минуту старый урка, брезгливо переступая через

обледеневшие в желтой моче сугробы, брел к уличному таксофону. Без забытого тулупчика действительно было зябко. Набрал питерский номер, Батя несколько минут напряженно вслушивался в гудки. В проводах долго бродили далекие шорохи и чьи-то голоса. И лишь когда беглец уже хотел бросить трубку, телефон отозвался сочным женским баритоном:

– Слушаю вас.

– Здравствуй, это я! – чуть дрогнувшим голосом молвил урка.

– Ты еще оттуда? – без особого удивления поинтересовалась собеседница.

– Уже отсюда, – признался Батя немного застенчиво и тут же закашлялся на морозе.

– Что-то мне твой голос не нравится. Простудился? Ноги промочил?

– Менты проклятые довели! – разжалобился бывший зек.

– Ну и тьфу на них! Быстренько домой, я тебе горячую ванну приготовлю и чай с малиной. И не забывай закутывать горло шарфом, ты у меня с самого детства простужался! – короткие гудки известили об окончании разговора.

– Не забуду мать родную! – прочувственно молвил пахан и, повесив трубку, расчеркнулся окурком в темноте.

Над заснеженным придорожным леском с рассыпчатым шипением взмыла ракета и, заломив дугу, упала за кромкой леса. Неверный переливчатый свет на секунду выхватил из полутьмы редкую цепь автоматчиков, бредущих между деревьями.

Боевой отряд правоохранителей возглавлял добродушный милицейский майор – тот самый, который и обещал саяно-шущенским посодействовать в поисках Бати. Однако надежды найти беглеца таяли с каждым часом. По всей вероятности, он давно уже был в Санкт-Петербурге. Если не в Хельсинки...

Приложившись к фляжке, майор протянул ее напарнику – злобного вида милицейскому капитану с заспанным лицом.

– Блядская все-таки у нас работа, – заметил тот, утирая рот обшлагом шинели.

– Не скажи, – мягко возразил старший по званию, – наша работа прекрасна, и она нужна людям! А то, что зэк с зоны сбежал – так это лагерная администрация во всем виновата. Наверное, с этим Батей негуманно обращались. Я недавно у Макаренко справлялся, так он советует: «...с уголовниками надо поступать так, как бы ты хотел, чтобы они поступали с тобой». Был у меня недавно в звероколхозе очень интересный случай. Один шоферюга выпил лишнего, схватил

бильярдный кий и ну дубасить какую-то компанию! Одному шею сломал, другому – руку, третьему – обе ноги, четвертому – два ребра...

Милицейская рация, молчавшая с полудня, неожиданно ожила. Майор щелкнул кнопкой.

– Пестик, Пестик, я Тычинка, – послышались привычные позывные. – Ввиду возникшей оперативной необходимости вам следует срочно прибыть в учреждение Леноблпотребсоюза «Кроликовод»...

– Еду, – повеселел майор и, обернувшись к напарнику, прокомментировал: – Это насчет того самого шоферюги. Он уже раскаялся, в чем и хочет признаться.

– Поляну тебе накроет? – завистливо предположил капитан. – В тепле будешь бухать, типа как культурный?

– Ну зачем же так грубо? – интеллигентно возразил майор, направляясь к милицейскому «уазику», стоявшему на обочине шоссе. – Еду проводить воспитательную работу. В неформальных, так сказать, условиях, как и советует Макаренко... Все, остаешься за старшего. До встречи!

Отчалив от обочины, «уазик» помчался в сторону «Ленинградского».

Уже на подъезде к звероколхозу майор обратил внимание на странную картину. Огромный зверовидный «Хаммер» тащил за собой раздолбанный мотоцикл с коляской. Наверное, так выглядел бы под увеличительным стеклом таракан, буксирующий мандавошку, решил правоохранитель и мяг-

ко заулыбался, озадаченный странностью собственного сравнения. Сфокусировав в полутьме зрение, он даже различил пассажира, в три погибели скрюченного в коляске. Им оказался Владимир Петрович Заметалин – старший лейтенант с того самого «строгача», откуда и был совершен побег. А ведь, как знал майор, с этого лагерного офицера несколько часов назад содрали погоны...

– Мда, не успел за ворота вахты выйти – и уже целую бригаду под себя подписал! – завистливо вздохнул милиционер, вежливо притормаживая у обочины. – Коррупция, сплошная коррупция!..

Правоохранитель так и не заметил лыжника в маскхалате, со спортивным ружьем за плечами. Спрятавшись за рекламным щитом «КРОЛИКИ – ЭТО НЕ ТОЛЬКО ЦЕННЫЙ МЕХ, НО И ВКУСНОЕ ДИЕТИЧЕСКОЕ МЯСО!», он холодным и дальнзорким взглядом следил за происходящим на шоссе...

Когда влекомый «Хаммером» мотоцикл подъезжал к звероколхозу, Заметалин ощущал себя свежемороженой треской. Скрючившись в коляске, он лелеял лишь одну мысль: выпить как можно быстрее и как можно больше. Невзрачный, сидевший за рулем мотоцикла, тоже замерз, и потому благосклонно принял предложение остограмниться в «Кролиководе».

– Ладно, укатали, – нехотя согласился нервный. – По сто граммов, не больше. И Батю, Батю искать... Время дорого.

– Он, скорее всего, тут, в ночном клубе, – поспешно перебил Гамадрил, прикидывая, что же с ним сделают эти ужасные люди, когда вранье раскроется.

– Почему ты думаешь, что он тут? – нехорошо прищурился невзрачный.

– Холодно ведь. А где еще греться, как не в бухаловке? – нашелся Заметалин, и это объяснение показалось саяно-шуншенским довольно разумным.

– Давай-ка через черный вход, – скомандовал нервный, подумав. – Не надо, чтобы ты вместе с нами в этой форме светился...

Вжав голову в плечи, лагерный офицер понуро подошел к воротам черного входа. Уже открывая дверь, он заметил, что со стороны фасада к клубу подъезжает милицейский «УАЗ»

в полной боевой расцветке.

– Менты, – прокомментировал невзрачный, – тоже замерзли...

– Менты – тоже люди! – неожиданно высказался Гамадрил.

– А вот тут, брателло, ты конкретно не прав! – возразил нервный.

– И чего это они сюда прикатили? – удивился невзрачный.

– Чего, чего... За гревом, чего же еще! – ощерился нервный, легонько подталкивая Гамадрила чуть ниже спины.

Менты подкрались незаметно. Не успел Батя отойти от таксофона, как в перспективе заснеженной улицы появился милицейский «уазик». Яркие конусы фар на мгновение ослепили беглого арестанта, однако он не утратил обычного присутствия духа. Скользнув за дубовую дверь «Кролиководы», Батя задвинул за собой огромный железный засов и спокойно прошел в зал. Подхватил тулупчик и, извинительно кивнув пацанам, через кухню проследовал к черному входу.

Темный коридор был пуст. Со стороны ярко освещенной кухни доносились бульканье кастрюль, шипение сковородок, стук ножей и повизгивания казнимых кроликов. Предсмертный скулеж грызунов заставлял сжиматься даже зачерствевшее сердце уркагана; параллели напрашивались очевидные и нехорошие.

Впрочем, у Бати еще оставался шанс не попасть под правоохранные ножи. Для этого следовало незаметно покинуть звероколхоз, перекантоваться где-нибудь в лесу и с наступлением рассвета звериными тропами пробираться в Бандитский Петербург. А уж там по старым связям выйти на саяно-шушенских...

Приоткрыв дверь, беглый арестант осторожно выглянул наружу, подставляя лицо под кислородную свежесть ветра. Заснеженное крыльцо радовало взгляд девственной чисто-

той. Окончательно успокоившись, Батя шагнул на крыльцо.

Уже закрывая дверь, он краем глаза заметил какую-то тень. И тут же ощутил, увидел на своем плече чью-то руку в форменном обшлаге. Беглый зэк медленно обернулся, и в мозгу у него гулко лопнул воздушный шарик.

Перед ним стоял старший лейтенант Заметалин.

Однако Батю поразило даже не удивительное явление ненавистного «отрядного». На ступеньке ниже он различил двух бритоголовых атлетов весьма бездуховного вида. Одного из них вор узнал сразу: это был тот самый саяно-шушенский Шанкр, который и собирался подобрать его на трассе на «конкретной козырной тачке».

Странность увиденного могла бы поколебать в реальности кого угодно, но только не Батю. Грамотный хук в офицерскую челюсть опрокинул Гамадрила на лысых братков. Воспользовавшись секундной заминкой, беглец мгновенно скрылся за дверью черного входа.

– Что, бездуховные – ссучились? Мусорам продались? – подколотной змеей зашипел уркаган, лихорадочно нащупывая в полутьме замок.

Запор нервно скрежетнул и щелкнул. И тут же хлипкую дверь сотрясло несколько ударов.

– Батя! Это был Батя! – донесся снаружи возбужденный голос Заметалина. – Я же вам говорил, что он тут!..

Выплюнув в ответ короткое всеобъемлющее ругательство, Батя рванул в зал.

Положение было отчаянным. Со стороны парадного входа по-прежнему доносился стук возмущенного майора милиции. Ссученные саяно-шушенские, руководимые и направляемые Гамадрилом, ломились в дверь кухни...

Добежав до стола, где по-прежнему гуляли пацаны из «Группировки Ленинград», Батя тяжело опустился рядом с Данилой Черняевым.

– Что – вернуться решил? – искренне обрадовался тот. – И правильно! И не хрен по морозу гулять! Слышь, а чего это ты такой нервный? Недопил или переработал?

Блуждающий взгляд беглого вора зафиксировал недопитую водочную литруху, заботливо спрятанную Жекой-омономцем под рояль.

– А по-моему, это как раз ты недопил, – вкрадчиво предположил Батя. – Еще вмазать хочешь?

– Кто ж не хочет! Да только вот пацаны говорят, что мне больше поллитры за один присест кушать нельзя, – вздохнул Данила, глядя, как собеседник достает бутылку из-под стола. – Планка, мол, у меня падает. Буйным, мол, становлюсь. К людям, мол, пристаю. Ага – будешь тут спокойным...

– Вот, сынок, и выпьем с тобой за жизнь! – засуетился пахан, и с радушием деревенского дедушки, угощающего перваком городского внука, принялся скручивать пробку. – Где твой стакан?

Дверь черного входа вылетела с первого же удара; разбег не потребовался. Разъяренные саяно-шушенские, подталкивая впереди себя лагерного офицера, ворвались в полутьму зала. Приблизительно в этот же самый момент капитулировала и дверь главного входа, и в шалман, пыхтя и отплевываясь, ввалился пузатый милицейский майор. Поискав глазами нужный ему столик с «поляной», правоохранитель поправил шапку с кокардой, одернул португеею и мгновенно зафиксировал на лице служебно-правоохранительное выражение.

Удивительно, но никто из гуляющей публики в первые секунды не обратил внимания на новых посетителей: звезроколхозный праздник жизни катился по обычной колее. И лишь Черняев, влив в себя полный стакан водки, случайно остановил взгляд на белобрысом мужичке в заснеженной офицерской шинели, подпираемом с двух сторон некими бритоголовыми незнакомцами. Незнакомцы очень напоминали братков и вели себя соответственно. Однако Данилу заинтересовали даже не гости, а старший лейтенант.

– Дани-илка! А еще выпить хочешь? – Батя предупредительно наклонил бутылку к стакану Черняева.

– Обожди-ка... – медленно поднявшись, кролезаводчик вышел из-за стола, взял кий и двинулся в сторону троицы, взглядом отделяя белобрысого старлея от бритоголовых

спутников. – Слышь, уродец, а ты в какой детский садик ходил? – Мосластая рука Данилы принялась крутить пуговицу офицерской шинели.

Старлей даже не успел отреагировать. В едва обозначившийся конфликт неожиданно вмешался пузатый милиционер.

– Ну что, Черняев – опять хулиганим? – спросил он голосом сытого человека, желающего ощутить в себе зверя. – Как хорошо, что Макаренко этого не видит!

Друзья из «Группировки Ленинград» оказались совершенно правы: лишний стакан водки стал для Данилы критическим. Белки его глаз налились дурной кровью, в зрачках затлело зловещее волчье мерцание. Рванув на себя пуговицу офицерской шинели, Черняев оторвал ее с клоком сукна и бросил в лицо Гамадрила. После чего с разворота засадил кием в доброе милицейское лицо, маячившее позади. Правоохранитель, даже не пикнув, отлетел под бильярдный стол и затих.

Неожиданно музыка смолкла. Кто-то включил верхний свет. Место происшествия мгновенно набухло толпой. Братки почти синхронно потянулись к подмышечным кобурам... На мгновение в зале установилось зловещее молчание.

И тут тишину шалмана прорезал истошный вопль Данилы:

– Продали Россию, пидоры!

Этот выстраданный крик души и послужил сигналом к

бою. Тем более что друзья Черняева сразу же обнаружили потрясающее единство...

Жека-омоновец, схватив братков за кожаные воротники, с силой толкнул их лбами. Послышался вполне деревянный стук, саяно-шушенские обмякли и свалились на пол.

А из-под бильярда уже слышались возмущенные междометия: это пришел в себя пузатый майор. Правоохранитель так и не успел выползти из-под стола. Протрезвевший Димон ловко ударил по майорской физиономии свернутым в трубочку «Плейбоем». На полном лице милиционера сразу же обозначился алый продолговатый след, и он затих окончательно. Подхватив выпавший из журнала короткий ломик, Трубецкой поглубже задвинул его в гляцевую трубочку и встал у края бильярда в позе охотника на мух.

И тут, на общую беду, в зале случайно появилось трое уличных ментов, решивших погреться в популярном очаге культуры...

– Щас всех мочить будем! – пообещал старший наряда, выхватывая резиновую дубинку.

Свет погас столь же внезапно, как и зажегся, и в зале тут же воцарилось всеобщее махалово. Местная молодежь, пользуясь случаем, стайей набросилась на ментов, срывая с них шапки, погоны, рации и портупей.

Данила Черняев орудовал кием, гоняя по залу не понравившегося ему лагерного офицера.

Очнувшиеся гангстеры в беспорядочном махании насели

на Жеку, и тот с неожиданной для его комплекции легкостью отпрыгнул к барной стойке. Лысый атлет со шрамом у рта нацелил было в омовца мощный кулак, но Жека успел уклониться... Загремела зеркальная стойка, бутылки хрустальным водопадом осыпались на пол, и браток, держась за покалеченную руку, с воем покатился по полу.

Зато невзрачного бандита не пришлось даже бить. Филонов лишь скупым жестом смахнул его в сторону рояля, и стоявший неподалеку Сергей-музыкант направил летящее тело под открытую крышку... Лысая голова с додекафонным звуком впечаталась в натянутые на раме струны, и спустя мгновение крышка рояля захлопнулась, как птицеловка. Ноги в рифленых ботинках нелепо дернулись из-под полированной крышки, но спустя секунду звуки затихли, и тело обмякло.

Кто-то из ментов сумел-таки выбежать из шалмана и вызвать подкрепление. Вскоре к «Кролиководу» подъехало несколько мусоровозов. Однако подкрепление спешило и с другой стороны: боевой отряд местных гопников, вооруженных кастетами, заточками, цепями, газовыми пистолетами и кухонными топориками, спешил на выручку друзьям...

...Столь грандиозной драки не помнили даже зверокопозные старожилы. В полутьме, под развеселые звуки эстрадной попсы, гремели оплеухи, разносились столики, с мелодичным звоном бились бутылки, миски с тушеной крольчатчиной надевались на головы. Женский визг, милицейские пожелания и редкие пистолетные выстрелы сопровождали

ли обоюдному избиению.

И лишь Батя не принимал участия в празднике жизни. Сидя в уголке, он цедил спиртное, внимательно наблюдая за действиями пацанов.

– Что попишешь – молодежь! Не задушишь, не убьешь! – скупно улыбался пахан, глядя, как пацаны от души метелят правоохранителей и бездуховных саяно-шушенских. Однако появление очередного ментовского подкрепления заставило Батю вмешаться. Спокойно допив водку, он поднялся и, дружески приобняв Данилу за плечи, направил его к черному входу.

– Ну все, на сегодня хватит, славно погуляли! – молвил пахан одобрительно и, обернувшись к Сергею, Димону и Жеке, скомандовал: – Всем быстро отсюда! Сейчас конкретное винтилово начнется!

Пацаны не заставили себя долго ждать. Меньше чем через минуту под темными окнами шалмана взревел мощный двигатель «Студебеккера». Обдав припаркованные у входа милицейские автомобили едким выхлопом, грузовик угрожающе приподнял бульдозерную лопату снегоочистителя на передке. Менты, случившиеся у входа, шарахнулись. Данила резко дал задний ход, виртуозно маневрируя на пятачке. Развернувшись, машина с ровным железным мурчанием покатила в сторону питерской трассы...

Лампа в надорванном абажуре раскачивалась над барной стойкой, как маятник, выхватывая из полутьмы зала разбитую мебель, осколки посуды и окровавленные тела, лежащие в затейливых позах. Лампа пронзительно скрипела, и на этот звук, как на шампур, нанизывались болезненные стоны, горячее матерное бормотание да разбойничий посвист ветра в разбитых окнах шалмана.

Внезапно унылая звуковая палитра обогатилась странным похрустыванием. Неверный свет качнувшейся лампы выхватил из полутьмы здорового ангорского кролика. Сидя у разбитой тарелки, он с наслаждением доедал капустный салат.

Бильярдный шар, с костяным грохотом выкатившийся из-под стола, заметно напряг грызуна. Кролик прижал уши к спине и, стуча по паркету когтями, устремился в темный угол.

Из-под рояля осторожно вылез белобрысый мужчина в длиннополой офицерской шинели, на которой не хватало одной пуговицы. Осмотревшись, он зафиксировал взглядом безжизненное тело в кожанке-«косухе», распростертое у самого входа. Переменчивый свет абажура на мгновение выхватил из темноты окровавленную лысую голову, испещренную мелкими шрамами. Владелец рваной шинели сразу

же двинулся к раненому. Присев на корточки, он скользящим движением профессионального щипача извлек из внутреннего кармана кожанки огромный брикет стодолларовых банкнот.

– Это тебе, Вова, не мелочь по карманам тырить! – похвалил самого себя офицер, воодушевленно слюнявя хрусткие купюры цвета капустного листа.

И тут с крыльца главного входа донеслись тяжелые мерные шаги. Сунув деньги во внутренний карман, вор боком-боком проскользнул к кухне и тут же исчез за приоткрытой дверью.

Сделал он это очень вовремя – спустя секунду в разгромленном зале «Кролиководы» появился тот самый биатлонист в белом маскхалате, чей вид еще днем так озадачил саяно-шушенских. Поразительно, но в шалман он зашел прямо на лыжах, с лыжными же палками в руках.

Гремя по окровавленному паркету снегоступами, словно наряд НКВД – прикладами, загадочный посетитель педантично осматривал место сражения. То и дело останавливаясь у поверженных тел, он подсвечивал лица карманным фонариком, явно кого-то разыскивая. При этом огромные солнцезащитные очки в пол-лица он почему-то не снимал.

Удовлетворившись результатами осмотра, биатлонист извлек из-под полы маскхалата черную коробочку рации и нажал кнопку. Фраза его прозвучала столь же загадочно, сколь и многозначительно:

– Пятый, Пятый, я Первый, – ровным голосом супермена произнес лыжник. – Короче, их развели, как кролей. Все идет по плану. Считай, что это был их первый урок мужества. Конец связи...

Мощный «Студебеккер» рассекал заснеженную трассу с тяжелой уверенностью, словно ледокол – море Лаптевых. Наледь превратила асфальт в настоящий каток, и это не позволяло Даниле Черняеву выжимать из конкретной козырной тачки максимум скорости.

В кабине грузовика теснилось аж пять человек: огромный Жека-омоновец без труда удерживал на коленях Сергея и Димона, Батя, сидевший справа, то и дело поглядывал в зеркальце заднего вида. Погони вроде бы не наблюдалось...

– А вы ничего, пацаны. Не то что эти бездуховные суки... саяно-шушенские. Вас бы как следует воспитать – цены бы вам не было! – наконец оценил старый вор, поглядывая на звероколхозников критически и деловито – так папа Карло смотрел на чурку, из которой собирался вырезать Буратино.

– Каждый человек по-своему уникален и бесценен, – философски обобщил Черняев, ювелирно вписывая машину в вираж. – А хрен ли толку? Возьми, например, меня. День-деньской этой вот аварийной точилой рулю, в свободное время кроликов развожу да крыши за копейки ставлю. А денег – как у какого-нибудь бомжа или школьного учителя...

Батя задумался туманно...

– Как сказать, – упало загадочное. – Может быть, у тебя еще все впереди.

– А че тут говорить? – пробасил Жека. – Думаешь, наш Данилка много с той шерсти или с мяса имеет? Или я в своей долбаной бригаде ОМОНа? Или вот эти пацаны? – Филонов дружески приобнял Димона и Сергея, и лицо его озарилось светом глубокой, выстраданной правоты. – Вот ты, отец, скажи нам: чем мы хуже какого-нибудь олигарха или оборотня в погонах?

– Вы лучше, – ласково улыбнулся Батя. – Я это уже понял...

– Только они – князи, а мы – в грязи, – печально констатировал Сергей Пауков.

– Можно и местами поменять, – прикинул беглый вор.

– Ладно, куда едем? – вздохнул Данила.

– За границу, – уверенно скомандовал беглый урка.

– В Финляндию, что ли? – прикинул Сергей Пауков; ближайшей заграницы в радиусе трехсот километров не наблюдалось.

– Так ведь у нас ни загранпаспортов, ни виз, ни денег! – напомнил Димон Трубецкой. – Да и финские бабы все, как одна, фригидные!

– Это потому что чухонцы, мужики ихние – все сплошь алкаши, – предположил Жека. – Помню, нарвался на меня один «турмалай» в кабаке на Кронверкской. Так я его даже не бил. Так, пальцем ткнул – он и...

– Мы действительно едем за границу, – строго перебил Батя. – Но не в Финляндию. В мире существует лишь две

страны: бедных и богатых. При попытке незаконного пересечения границы первых обычно убивают... Вот ты, Данила – хочешь эмигрировать в страну богатых?

– Кто же не хочет! – вздохнул Черняев. – Да только кто меня туда пустит?

– Эмигрируешь, – пообещал Батя, прищурившись. – Отвечаю. Верить?

Черняев взглянул в зеркальце над приборным щитком, пригладил патлы, opravил телогрейку и сразу же представил себя в Монте-Карло, одетым в смокинг.

– Верю... – молвил он; повадки и тон собеседника внушали ему иррациональное уважение.

– И вы, молодые люди, где-то через полгода... максимум, через год, навсегда покинете страну бедных, – веско произнес рецидивист, и в его голосе зазвучала уверенность в праве на счастье для каждого.

– А если нас это... убьют при пересечении границы? – спросил Пауков опасно.

– Я знаю один плохо охраняемый участок, – признался Батя доверительно. – Дело в том, что...

Продолжить он не успел. Неожиданно в боковых зеркалах «Студебеккера» вспыхнуло яркое электрическое зарево. Взглянув в отражатель, Данила различил огромный зверовидный «Хаммер», безвкусно иллюминированный навесными фарами. Конкретная козырная тачка надвигалась с неотвратимостью летящей гранаты. Поравнявшись со «Сту-

дебеккером» слева, внедорожник снизил скорость, притирая грузовик к обочине. Стекло пассажирской дверки плавно опустилось.

– Слышь, урод, тормозни! Базар к тебе есть! – властно скомандовал из салона некто невидимый.

Удерживая руль, Черняев через опущенное стекло высунился наружу.

– Пошел ты, козел! – быстро и отчетливо проговорил он и тут же провалился обратно в кабину, будто откуковавшая кукушка в ходики.

– А за козла ответишь, – зловеще пообещали из «Хаммера».

Жизнь приучила Данилу не дожидаться милостей от природы. Цыкнув слюной через окно, он исключительно точным поворотом руля впечатал блестящий отвал снегоочистителя в боковину бандитского внедорожника. Послышался характерный металлический хруст, «Хаммер» вильнул влево, но в кювет не улетел, а только чуть приотстал...

И тут из джипа громыхнула короткая автоматная очередь. Брызнуло боковое зеркальце. Несколько пуль с дробным цоканьем прошли обшивку кунга.

– Щас по колесам стрелять начнут, – профессионально оценил ситуацию Жека.

Неожиданно с левой стороны промелькнул ментовский «Опель», стоявший на обочине. Видимо, это были банальные гаишники, вышедшие в ночной дозор пострелять денег

на пиво. Угрожающе взвыла сирена, пульсирующими сполохами вспыхнула сигнальная рампа, и «Опель» помчался вслед за грузовиком. Гангстеры в «Хаммере» посчитали за лучшее прекратить преследование – видимо, не хотели конурировать с ментами.

Однако «Группировке Ленинград» легче от этого не стало...

– Сейчас – поворот на Питер. В такое время там тоже менты стоят, – предупредил Жека.

На подъезде к повороту Черняев вынужденно притормозил – обледеневшая трасса не позволяла держать прежнюю скорость. Слепящие точки фар вздулись конусами и развернулись в темноте желтыми круговыми лепестками, на мгновение скользнув по дорожному указателю «Добро пожаловать в Санкт-Петербург».

Данила хотел было чуточку притопить педаль газа, но вместо этого что есть силы вдавил тормоз...

Впереди ждала засада.

Мощные фары «Студебеккера» осветили металлический «еж», негостеприимно натянутый поперек дороги. Ровные ряды шипов тускло поблескивали на льдистом шоссе, как зубья дракона. Справа от трассы темнел угловатый контур ментовского фургона, рядом с которым уже рассредоточились автоматчики в бронежилетах...

Тем временем шедший позади милицейский «Опель» остановился на повороте и, встав поперек дороги, блоки-

ровал путь в звероколхоз. Автоматчики у фургона с видом неотвратимых командос изготовились к стрельбе.

– Немедленно остановиться! – послышалось из невидимого в темноте громкоговорителя. – При попытке сопротивления открываем огонь на поражение!

Черняеву оставалось лишь послушно притереть грузовик к обочине.

Ситуация была безвыходной. Пацаны из «Группировки Ленинград» изготовились к самому худшему.

И лишь опытный уркаган не растерял присущего ему хладнокровия. Едва взглянув на приборный щиток, он сразу же понял, как победить ментов...

Пригородный поезд, изгибаясь на рельсах гигантской гусеницей, неторопливо катил по вечерней окраине города. За окнами проплывали невыразительные панельные дома, ржавые гаражи и унылые заборы, за которыми Северная столица прятала свою хаотичную изнанку.

Вагоны с тяжелой чугунной вибрацией прогрохотали по эстакаде, и спустя несколько минут электричка мягко ткнулась в тупичок Витебского вокзала. Запоздалые пассажиры, поеживаясь от морозца, просочились в метро.

Последним из поезда вышел белобрысый мужчина в длиннополой офицерской шинели, на которой не хватало одной пуговицы. Поискав глазами свободный таксофон, он юркнул в кабинку, достал записную книжку и быстро натыкал заветный номер.

– Да, это я – Володя... – представился он, посматривая по сторонам. – Да, в Питере. К вам можно? Да, прямо сейчас... Да стал бы я такого серьезного человека не по делу беспокоить?!

Бросив трубку на рычаг, повеселевший Гамадрил направился к стоянке такси. Путь бывшего «отрядного» лежал в район Лиговки, к знакомому прокурору из надзорного отдела Леноблпрокуратуры.

Разница в возрасте и в социальном статусе не препятство-

вала их доверительной дружбе. С этим человеком Заметалин познакомился несколько лет назад, на премьере фильма Тинто Брассо «Подсматривающий». Дальнейшее знакомство лишь подтвердило их общую тайную страсть: оба они обожали подсматривать за переодевающимися молоденькими девушками. Гамадрил умел держать язык за зубами и нигде не обмолвился о пороке, снедавшем ответственного прокурорского работника. Тем более что товарищ Макаренко – а именно такова была его фамилия – пользовался неизменным уважением не только пузатого майора из звероколхоза «Ленинградский», но и многих питерских правоохранителей.

Впрочем, на этот раз прокурор по надзору потребовался бывшему лагерному офицеру по сугубо личному делу. Заметалин уже отослал в УИН рапорт об увольнении и теперь, будучи почти частным лицом, решил осмотреться и прикинуть, можно ли заняться в Питере свободным предпринимательством. Стартовый капитал – украденные в «Кролиководе» бандитские сто тысяч долларов – позволял открыть небольшое собственное дело. Других же знакомых, кроме Макаренко, у Гамадрила в городе почти не было...

Слепяще-синее лезвие милицейского прожектора прорезало дугу по звездному небу и агрессивно уперлось в лобовое стекло «Студебеккера». Пассажиры и водитель закрылись от яркого света ладонями. Спустя мгновение слух рассверлил жестяной звук мегафона:

– Всем по одному выйти из машины! Оружие на снег, руки за голову!

Припав головой к приборному щитку, Батя нащупал рычажок с эбонитовой рукоятью.

– Значит, так, Данила. Сейчас ты сделаешь вид, что вступаешь в переговоры. Чтобы усыпить бдительность мусоров. По моей команде сразу даешь по газам! – страшным шепотом произнес он.

– По кабине стрелять все равно не станут, – прикинул Жека. – Потом с прокуратурой полный гемморой: правомерно открыта стрельба, неправоммерно...

Приоткрыв водительскую дверку, Черняев чуток высунулся из кабины.

– А если сдадимся... Что нам за это будет?

– Какой любопытный! – удивился мегафон на крыше ментовского фургона.

– Любопытство – путь к будущему! – хладнокровно парировал Данила.

– А зачем тебе то, чего у тебя нет? – злорадно спросил громкоговоритель.

В этот самый момент Батя рванул рычажок с эбонитовой рукоятью. Бульдозерная лопата снегоочистителя тотчас же поднялась, прикрывая радиатор от пуль.

– Жми! – жутким драконьим голосом гаркнул уркаган, и Черняев, бросив сцепление, вдавил газ.

Мотор взревел с мощным масляным урчанием, и тяжелый «Студебеккер», резко вильнув вправо, чтобы не напороться на «ежа», рванул прямо на милицейский фургон. Затрещали автоматные очереди, но пули лишь высекли искры из импровизированного щита. Страшный грузовик в неумолимом движении впечатал отвал снегоочистителя прямо в бочину мусоровоза. Фургончик мягко качнулся и лег на бок, хрустнув боковым зеркальцем и вмяная в борт дверные ручки. Мегафон поперхнулся матерно и, оторвавшись от крыши, отрубленной головой покатился по откосу. «Студебеккер» проволоч фургончик метров десять и, спихнув его с дороги, помчался по пустынной ночной трассе...

Менты-автоматчики засуетились, как тараканы на горящем корабле, и, увлекаемые падающим фургоном, посыпались в кювет.

И тут произошло то, чего не смог предвидеть даже многоопытный Батя...

Неожиданно обозначили свое присутствие менты в «Опеле», блокировавшем путь в звероколхоз. Так и не поняв, что

же произошло, правоохранители решили поучаствовать в погоне и перестрелке. Чиркая по сугробам мигалкой и ярясь сиреной, «Опель» на всех парах помчался за «Студебеккером», но тут же напоролся на «еж», заботливо расстеленный поперек шоссе другими правоохранителями. Вильнув на пробитых скатах, «Опель» на скорости вылетел с трассы и, натолкнувшись на ограничительный столбик, перевернулся через крышу.

Из заснеженной низины вопило, материлось и беспорядочно стреляло. Неожиданно прогремел взрыв и из кювета ударил вполне голливудский столб пламени. Видимо, кто-то из неосторожных стрелков угодил в бензобак «Опеля». Огромный огненный штопор ввинтился в звездный бархат морозного неба. Несколько горящих силуэтов с дикими криками покатались по черному от копоти снегу.

К этому времени «Студебеккер» был уже далеко от места побоища – благо, ни встречного, ни попутного транспорта не наблюдалось.

Припорошенное снегом шоссе с радующей глаз прямизной расстиралось до Питера. Минут через десять грузовик, предусмотрительно сбавив скорость, въехал в Купчино – самый пролетарский район Северной Пальмиры.

– Ну что, пацаны... С боевым крещением! – поздравил Батя и, закурив, не удержался от похвалы: – А тачка у вас действительно конкретная и козырная! И ментов уделали, и эту бездуховную молодежь...

– Главное – люди, а не техника! – скромно заметил Данила.

– Первый шаг к эмиграции из страны бедных вы уже сделали, – подытожил Батя. – Негоже останавливаться на полпути... Что думаешь, Данила-мастер?

– Что, что... – Черняев ласково погладил огромный руль «Студебеккера». – Надо рулить дальше. Куда скажешь – туда и поеду.

Искоса взглянув на Жеку-омоновца, беглый арестант заинтересовался:

– А что скажут наши силовики?

– Я и так всех по жизни от других силовиков отмазываю, – пробасил тот. – Придется и дальше пацанов покрывать... Пока нам не выдадут визы новой страны.

– Что думают оболъстителю женщин? – улыбнулся Батя, глядя на Димона-мачо.

– Бабы всегда любили богатых и знаменитых, это еще Фрейдом замечено, – ответил тот. – Ни богатым, ни знаменитым в нашем звероколхозе не станешь. Так что я – за свободную эмиграцию!

Уркаган обернулся к Сергею Паукову.

– С кем вы, мастера культуры?

– С кем, с кем... С водкой, с бабами... Но, как всегда, без денег! – криво ухмыльнулся тот. – Как и все мы. Короче, надо сваливать.

– Значит, решено? – Батя обвел строгим взглядом паца-

НОВ.

– Да! – нестройным хором ответили те.

– А все потому, что мы – аварийная бригада и «Группировка Ленинград»! – веско добавил Данила. – Так мы что – в Питер перебираемся?

– В Питер, – подтвердил уркаган.

– Насовсем?

– Скажем так: на неопределенное время, – ответил Батя. – Нам суждено к богатству прорубить окно. А рубиться, как показывает история, лучше всего из этого города.

– А что мы в Питере делать будем?

– Что, что... То же, что и в звероколхозе. Кроликов на капусту разводить!

Часть вторая
«Подвиг разводчика»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.